

Эвфемизация как средство проявления национального характера

Euphemisation as a Means of Embodying a National Character

Вероника Викторовна Катермина

Абстракт:

Эвфемизмы и процесс эвфемизации уходит своими корнями в природу человека как существа, чувствующего свою слабость перед силами природы. Социализация человека, его превращение в существо коллективное стала причиной второй волны использования эвфемизмов «по соображениям» стыда и вежливости. В последнее время сформировалась и новая функция эвфемизации речи – приукрашивание некоторых моментов действительности.

Эвфемизмы, отражая своей тематикой и частотностью употребления длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению изменения в культурных установках того или иного этнического сообщества.

Abstract:

Euphemisms and the process of euphemisation go back to the nature of a person as a creature, feeling weak before natural forces. Socialization of a person, his becoming a member of a society became the reason for the second wave of using euphemisms. A new function of euphemisms in the speech has developed lately – the embellishment of some moments of reality. Reflecting by their topics and frequency of use the continuous process of development of culture of a people, euphemisms reflect changes in the cultural values of a certain ethnical people from generation to generation.

Ключевые слова:

эвфемизм, национальный характер, культура, язык, этнос

Key words:

euphemism, national character, culture, language, ethnos

Эвфемизмы и процесс эвфемизации уходит своими корнями в природу человека как существа, чувствующего свою слабость перед силами природы. Социализация человека, его превращение в существо коллективное стала причиной второй волны использования эвфемизмов «по соображениям» стыда и вежливости. В последнее время сформировалась и новая функция эвфемизации речи – приукрашивание некоторых моментов действительности.

Обращаясь к теме эвфемизмов, исследователь вынужден привлечь к анализу не только сами эвфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах (см. работы Л. П. Крысина, В. П. Москвина, Н. М. Потаповой, П. Борковской, Г. А. Клепарского, У. Лабова, Г. Шпицбардта).

Необходимо отметить, что, в отличие от обычной лексики, данные единицы чрезвычайно чувствительны к общественным оценкам тех или иных явлений – это связано с исторической изменчивостью статуса эвфемизма в языке и речи. То, что представляется удачным эвфемистическим наименованием одному поколению людей, в будущем может рассматриваться как несомненная грубость, требующая, в свою очередь, эвфемистической замены.

Трудно найти народы, не общающиеся с другими. Однако в процессе межнационального общения нередко возникают различного рода трудности. Основным препятствием для коммуникации двух (нескольких) культур являются, по-видимому, национально-специфические особенности культур-коммуникантов. Специфика культур осознаётся только в ситуации контакта (в любой из возможных его форм: непосредственное общение представителей различных культур; перевод с языка

одной лингвокультурной общности на язык другой; восприятие носителем одной культуры текста, созданного в другой культуре). Для характеристики специфики любой системы культуры, рассматриваемой в определённом пространственно-временном континууме, безотносительно к её масштабу и количеству выделенных признаков, удобно пользоваться термином Э. С. Маркаряна – «локальная культура». (Markarjan 1969, 188)

Как справедливо замечает Ю. В. Бромлей, «различия не существуют сами по себе, только контакт с другими, сравнение своего с чужим, придают тем или иным элементам культуры статус дифференциального признака». (Bromlej 1973, 66)

Любая из функционирующих культур должна иметь в своём наборе часть признаков, общих для всех локальных культур (свойственных культуре в целом), а также группу признаков, несущих национально-специфическую нагрузку.

Далее уместно рассмотреть те уровни, сферы, компоненты культуры, которые могут носить национально-специфический характер, то есть отличать одну локальную культуру от другой. Деятельность во всех сферах, и в особенности в сфере общения (в широком смысле, включая и поведенческий аспект), и в сфере восприятия окружающего мира (куда включаются философия, наука, искусство), осуществляется с помощью языка (речи). Первое место среди компонентов культуры, несущих яркую национально-специфическую окраску, должно быть отдано языку. (Markovina 1983)

В ситуации контакта носителей различных культур, языковой барьер – не единственное препятствие на пути к взаимопониманию. Национально-специфические особенности самых разных компонентов культуры могут затруднить процесс межкультурного общения. Приведём основные компоненты культуры, несущие национально-специфическую окраску:

- 1) традиции (как устойчивые элементы культуры), а также обычаи (определяемые как традиции в «соционормативной» сфере культуры) и обряды (выполняющие функцию неосознанного

- приобщения к господствующей в данном обществе системе нормативных требований);
- 2) быт, бытовая культура, тесно связанные с традициями, вследствие чего их нередко именуют традиционно-бытовой культурой;
 - 3) повседневное поведение (привычки носителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с повседневным поведением мимический и пантомимический коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности;
 - 4) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления носителей некоторой культуры;
 - 5) искусство, вырастая из культурной традиции того или иного этноса и являясь глубоко национальным по характеру, отражает специфику национальной культуры в целом. (Markovina 1983, 192)

Язык в первую очередь способствует тому, что культура может быть как средством общения, так и средством разобщения людей. Язык является знаком принадлежности его носителей к определённому социуму. Средством общения локальная культура является в следующих случаях: во-первых, внутри своего этноса, благодаря этноинтегрирующей функции языка и других компонентов культуры; во-вторых, между близкими культурами, то есть там, где невелика культурологическая дистанция между коммуникантами; в-третьих, если представителям общающихся культур известны особенности, отличия «чужой» локальной культуры от своей. Соответственно, «средством разобщения локальная культура является, если: во-первых, общение направлено «во вне» на другой этнос; во-вторых, существенной является культурологическая дистанция между коммуникантами; в-третьих, коммуниканты не знают и не понимают специфических особенностей друг друга». (Bromlej 1973, 193)

Каждый новый носитель языка формирует свое видение мира не на основе самостоятельной переработки своих мыслей и переживаний,

а в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его языковых предков, который зафиксирован в мифах и архетипах; усваивая этот опыт, мы лишь пытаемся его применить и слегка усовершенствовать. Но в процессе познания мира создаются и новые понятия, фиксирующиеся в языке, который есть культурное достояние: язык есть «средство открытия до сих пор еще не познанного». (Gumbol'dt 2000).

Следовательно, язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает ее, формирует культуру, как бы прорастая в нее, но и сам развивается в культуре.

Мы присоединяемся к мнению О. Г. Прохвачевой, которая полагает, что поскольку культура не есть не что абстрактное, одинаковое для всех народов, а то, чем они отличаются друг от друга, что воплощает национальный дух, национальное своеобразие народа, то и язык впитывает в себя это своеобразие, поэтому для выявления культурных особенностей того или иного народа мы обращаемся к его языку. (Prochvačeva 1996, 41-42)

Как отмечает Е. И. Кукушкина, семиотическая общность культуры и языка способствует тому, что они обладают сходными функциями: *коммуникативной* (обмен социально значимой информацией), *кумулятивной* (накопление и хранение знаний), *адаптивной* (обеспечение согласованности с окружающим миром), *директивной* (воздействие и преобразование реальности), *регулятивной* (упорядочивание поведения человека в обществе) и *продуктивной* (освоение и преобразование действительности) (Kukuškina 1984, 43).

В ряде научных исследований высказывается предположение о том, что неповторимый индивидуальный облик каждой культуры есть результат особой, свойственной лишь данной культуре, системы организации элементов опыта, которые сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур. (Markarjan 1969, 88). По мнению Н. А. Бердяева, вне национальности, понимаемой как индивидуальное бытие, невозможно существование человечества. Философ считает, что каждый отдельный человек со своей национальной индивидуальностью входит в человечество, именно как национальный человек. «Национальный человек больше, а не меньше,

чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные». (Berdjajev 1990, 96) В силу этого и культура не может быть, по Н. А. Бердяеву, отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть национальная.

Под национальной культурой обычно понимают совокупность общественных отношений и ценностей определенной нации. (Dubičinskij 1993, 53). Каждая национальная культура обладает значительностью, а каждый национальный язык выражает ту неповторимость, которая и отличает одну национальную культуру от другой.

Национальная культура вступает в диалог с другими национальными культурами, высвечивая при этом такие вещи, на которых в родной культуре внимание и не останавливалось. М. М. Бахтин писал по этому поводу: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины». (Bachtin 1979, 335)

Чтобы быть национальной, по мнению В. В. Дубичинского, культура должна обладать достаточным языковым материалом, способным передать «и опыт своего народа, и опыт человечества в целом». (Dubičinskij 1993, 54)

Для выявления национального образа мира, национальной культуры, по Г. Гачеву, берется «целостность национальной жизни: и природа, и стихия, и быт, и фольклор, и язык, и образность поэзии, соотношение пространства и времени и их координат – то есть выявляется как бы набор, основной фонд национальных ценностей, ориентиров, символов, архетипов, что и определяет затем и склад мышления, Логос народа». (Gačev 1988, 86)

Как отмечают исследователи, коррелятивные связи языка и культуры многообразны, устойчивы и крепки. Язык может рассматриваться в качестве орудия культуры, даже одной из ее ипостасей (в особенности литературный, сакральный язык или язык фольклора) и может описываться через признаки, общие для всех явлений культуры. При этом особое внимание обращается на то, что язык и культура могут сопоставляться как независимые, автономные семиотические системы,

во многих отношениях структурно изоморфные и взаимно отображенные. Общность применяемых к языку и культуре понятий может проистекать из одинакового взгляда на эти феномены как на семиотические (знаковые) системы, описываемые с помощью одного и того же логического аппарата. К таковым относятся, по мнению Н. И. Толстого, понятия системы и текста (парадигматики и синтагматики) в языке и культуре, формы и содержания (означающего и означаемого), системной функции, давления системы, открытости системы и ее уровней и т.п. (Tolstoj 1997, 312)

Как полагает Е. В. Розен, язык является «важной частью духовного багажа нации и помогает охарактеризовать определенную эпоху, определенные общества». (Rozen 1991, 180). Присоединяясь к приведенному выше утверждению исследователя, отметим, что язык составляет культурное наследие той или иной нации, народности наряду с нравами и обычаями. Язык вбирает в себя всевозможные комбинации результатов жизнедеятельности человека, его мысли, сам дух. Он отмечает практически все фрагменты человеческого бытия и описывает их многочисленными способами и средствами.

Мы согласны с мнением Е. С. Бунеевой о том, что один из путей изучения языка как явления культуры состоит в «определении культурно-значимых содержательных признаков, которые находят свое отражение в различных проявлениях культуры народа и прежде всего в языке». (Bunejeva 1996, 34)

Каждый язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира. Совокупность значений языка составляет единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. «Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков». (Apresjan 1995, 39)

Традиционно считается, что корни взаимодействия языка и культуры лежат в глубокой древности. А утвердившиеся в современной науке представления происходят из высказываний В. фон Гумбольдта

о том, что язык связан с формированием духовной силы нации. (Gumboldt 2000)

Язык помнит и хранит тайны, в нем скрыт высший смысл – это дает право говорить о когнитивной памяти слова. Но при этом следует отметить, что сама система языковых значений связана с системой знаний отношением когнитивной интерпретации. Система языковых значений соотносится в интерпретативном режиме с культурной компетенцией носителей языка. Концептуальное наполнение этой компетенции – одна из характерных черт менталитета народа. В ряде исследований мы сталкиваемся со справедливым утверждением, что в языке через систему характерных для него образов, эталонов, стереотипов, символов и т.п. опредмечено мировидение народа и его миропонимание, осознаваемые в контексте культурных традиций. Именно эта соотносительность и обуславливает то, что язык не только отображает действительность в форме ее наивной картины и выражает отношение к ее фрагментам с позиций ценностной картины мира, но и воспроизводит из поколения в поколение культурно-национальные установки и традиции народа – носителя языка. (Telija 1996, 238)

Язык – составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры. Отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого. Язык может быть воспринят как компонент культуры и как орудие культуры. Вслед за С. Г. Тер-Минасовой, мы полагаем, что «правильнее говорить не о соотношении часть – целое, язык – часть культуры, а о взаимопроникновении, взаимосвязи и взаимодействии. Язык – часть культуры, но и культура – только часть языка». (Ter-Minasova 2000, 47)

На сегодняшний день в лингвистике и лингвокультурологии сложилась следующая, принятая большинством учёных, точка зрения. Язык и культура являются разными семиотическими системами, которые имеют, однако, много общего: 1) культура, равно как и язык, – это формы сознания, отображающие мировоззрение человека; 2) культура и язык существуют в диалоге между собой; 3) субъект культуры и языка – это всегда индивид или социум, личность или общество; 4) нормативность – общая для языка и культуры черта;

5) историзм – одно из сущностных свойств культуры и языка; 6) языку и культуре присуща антиномия «динамика – статика». (Telija 1996; Maslova 2001, 2007)

Различаются эти две сущности следующим: 1) в языке как феномене преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре ценится элитарность; 2) хотя культура – знаковая система (подобно языку), но она неспособна самоорганизовываться; 3) язык и культура – это разные семиотические системы (там же).

Сопоставив общие и отличительные черты сущностей язык-культура, В. А. Маслова делает вывод о том, что культура не изоморфна (абсолютно соответствует), а гомоморфна языку (структурно подобна) (Maslova 2001, 2007).

Рассматривая язык и культуру в рамках семиотического подхода, В. Т. Клоков констатирует: «В культурологии семиотический взгляд на природу культуры приводит к уточнению тех характеристик, которые позволяют рассматривать ее, так же как и язык, в качестве знаковой системы. В данном случае культура и язык выводятся на равнозначный уровень, где в самом широком смысле культура понимается как содержание, а язык – как форма содержания данного содержания. ... С точки зрения семиотики культура – это некоторый объем знаний (информации), которую вырабатывает человечество для адекватной интерпретации того, что говорят и делают люди». (Klokov 2000, 60)

Будучи одним из видов человеческой деятельности, язык, естественно, входит в «культуру» в широком значении этого слова. Однако, как известно, язык неразрывно связан с мышлением, являясь его важнейшей формой существования и главным средством общения людей. И в этих своих качествах язык обычно ставится в один ряд с культурой. В результате в культуру в узком значении слова язык фактически включается лишь своей содержательной стороной, объективированной в виде устной речи и письменности. (Bromlej 1973)

Следует выделить мнение следующего ученого-лингвиста, С. Г. Тер-Минасовой. «Язык – это зеркало и реального, и культурно-понятийного мира, так как он отражает и тот, и другой ... язык не просто

пассивно отражает все, что дано человеку в чувственном, созидательном и культурном опыте. Он (язык) одновременно формирует носителя языка как личность, принадлежащую к данному социокультурному сообществу, навязывая и развивая систему ценностей, мораль, поведение, отношение к людям. Отражение мира в языке – это коллективное творчество народа, говорящего на этом языке, и каждое новое поколение получает с родным языком полный комплект культуры, в котором уже заложены черты национального характера, мировоззрение, мораль и т. п. Язык, таким образом, отражает мир и культуру и формирует своего носителя». (Ter-Minasova 2000, 67)

Каждый язык культуры имеет свои особенности, он непереволим адекватно ни на один другой язык. «Множество языков нужно культуре именно потому, – утверждает М. С. Каган, – что её информационное содержание многосторонне богато, и каждый специфический информационный процесс нуждается в адекватных средствах воплощения». (Каган 1996, 23)

Словом, становится актуальной высказанная ещё в начале века Л. В. Щербой мысль, что «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры...». (Ščerba 2004, 27)

Как показывает исследование лингвистических источников, понятия «язык» и «культура» воспринимаются учеными неоднозначно, но большинство сходятся в одном: язык и культура – это формы сознания, отражающие мировоззрение народа, язык – составная часть культуры, ее зеркало, основной инструмент ее усвоения и носитель специфических черт ее ментальности, язык формирует своего носителя.

Как неоднократно подчеркивалось выше, в языке аккумулирован духовный опыт народа и поэтому именно анализ языка дает представление о его менталитете, определяя тем самым принадлежность индивида к определенной лингвокультуре.

Что же означает слово «ментальность»? Само понятие происходит от латинского слова *mens* – ум, мышление, образ мыслей, душевный

склад. П. С. Гуревич определяет ментальность (или менталитет) как «продукт коллективного творчества, присваиваемый индивидом и становящийся неотъемлемой частью его мировосприятия». (Gurevič 1984, 242). Понятие менталитета, по мнению В. В. Кочеткова, отражает своеобразие видения окружающего мира и специфику реагирования на него, детерминирующиеся экономическими и политическими условиями в историческом аспекте. (Kočetkov 2002, 16). И. Г. Дубов выделяет индивидуальный менталитет – присвоенные индивидом специфические способы восприятия и особенности образа мыслей, выражающиеся в специфических для данной общности формах поведения и видах деятельности. (Dubov 1993, 21). По С. Г. Тер-Минасовой, менталитет – это мыслительная и духовная настроенность как отдельного человека, так и общества в целом. (Ter-Minasova 2000, 196)

Идея коллективной ментальности восходит к книге А. Токвиля «Демократия в Америке» (1992), в которой он блестяще проанализировал менталитет американцев своего времени. Французский социолог, исследуя общественное сознание США, пытался отыскать первопричины предрассудков, привычек и пристрастий, распространенных в американском обществе и составляющих, по его мнению, национальный характер американца. Многие из его наблюдений остаются актуальными до сих пор.

Конститутивным признаком понятия «менталитет» О. А. Леонтович называет его принадлежность определенной социальной или культурной группе, потенциальная возможность данного признака реализуется в возможности противопоставления менталитету другой группы. (Leontovič 2005, 129)

Ю. Н. Караулов высказывает предположение о существовании так называемой психоглоссы, под которой понимает единицу языкового сознания, отражающую определенную характерную черту языкового строя, системы родного языка, обладающую высокой устойчивостью к вариациям и стабильностью во времени. (Karaulov 1989, 7)

Ментальное пространство носителей языка, как полагают исследователи, можно определить, обратясь к языковому сознанию говорящих, в частности, анализируя культурно-оценочные коннотации.

Несмотря на то, что коннотация является особым, скрытым компонентом значения языковой единицы, она осознается носителями языка на основе культурно-маркированных ассоциаций, культурных стереотипов, а также фоновых знаний.

В свете всего вышеизложенного, можно согласиться с тем, что национальная специфика языка и культуры оказывает существенное влияние на процесс межкультурного общения. Реципиент в процессе контакта с «чужой» культурой воспринимает её через призму своей культуры, в результате чего может возникнуть различной степени непонимание специфических проявлений незнакомой культуры. Понять иную культуру принципиально возможно. Однако необходимо знать, что особенности «чужой» культуры могут быть неадекватно интерпретированы реципиентом, либо не поняты им, либо не замечены вовсе именно в силу своей специфичности.

Одними из таких особенностей языка, а, следовательно, и культуры являются эвфемизмы, которые являются «мостом», благодаря которому можно правильно понять те или иные процессы, происходящие не только в одной стране, но и во всём мире.

Именно эвфемизация как процесс, свойственный всем языкам, влияет на понимание и интерпретацию национального характера народа, будучи его компонентом и с каждым днём приобретает всё более весомое значение в английском языке.

Эвфемизмы, отражая своей тематикой и частотностью употребления длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению изменения в культурных установках того или иного этнического сообщества.

Как известно, связь языковой личности с культурой неопровержима. В то же время эвфемизмы напрямую зависимы от культурного статуса народа, таким образом, можно говорить об эвфемизмах, как о компонентах языковой личности, культурная информация которых заключена в тематические сферы их наибольшего распространения в тот или иной период культурного развития народа. В ходе изучения конкретных тематических групп эвфемизмов в определённый временной период, мы попытаемся обосновать зависимость их

использования в обществе от культурного уровня развитости данной общности людей.

В данной статье будут рассмотрены ситуации и условия, при которых используются эвфемизмы, будут определены сферы социальной жизни, в которых чаще, чем в других, используются эвфемистические языковые средства, наконец, тематико-синонимические ряды эвфемизмов будут проанализированы согласно частоте их использования в речи и в соотношении с их смысловыми и стилистическими оттенками значения. Таким образом, мы подтвердим обусловленность процесса эвфемизации культурно-национальными особенностями жизни его носителей.

Факторы, обуславливающие появление эвфемизмов, весьма разнообразны и в то же время универсальны. Первоначально, это, видимо, был страх и желание задобрить таинственные силы, господствующие в окружающем человека мире. Однако можно предположить, что они и сейчас в завуалированном виде присутствуют в нашей жизни. Человек всегда был подвержен различным видам страха. Наша боязнь определённых физических и умственных заболеваний приводит к образованию целой тематической группы эвфемизмов для обозначения душевной болезни и задержки умственного развития, эпилепсии, рака, венерических заболеваний, алкоголизма, поэтому эвфемизмы в данной группе стали появляться, начиная с XIV века, когда в обществе более ли менее сложились политические и социальные нормы.

Кроме того, с некоторых пор, употребляя эвфемизмы, мы стараемся быть предупредительными по отношению к окружающим, не создавать у собеседников ощущения коммуникативного дискомфорта. Страх причинения душевной боли другому, желание произвести впечатление приводит к образованию так называемых «добрых слов», что вновь отражает национальную особенность носителей языка, так как именно в английском языке преобладает данная тенденция.

Действительно, эвфемизация затрагивает множество тематических сфер. Её можно определить как употребление слов и выражений, которые в завуалированном виде передают понятия, чья прямая

номинация может вызвать нежелательный эффект по этическим, политическим и другим причинам, принимая во внимание исторический период времени развития данного общества (практический материал был взят из словаря эвфемизмов). (Ayto 2000)

Тематическая группа эвфемизмов, смягчающих различные виды дискриминации. Большая группа эвфемизмов создана по принципу вежливости. В неё, как правило, входят слова и выражения, смягчающие различные виды дискриминации.

1. *Эвфемизмы, смягчающие возрастную дискриминацию.* В результате социальных процессов возник термин *ageism* (притеснение людей определенного возраста). С тем, чтобы не обидеть, например, людей почтенного возраста, в языке появилось слово *middlescence* (по аналогии с *adolescence*) – период жизни от 40 до 65 лет. Период жизни от 65 лет и далее стали называть *third age*. *Goldenage* (букв. золотой век) в значении *old age* (старый или пожилой возраст; используется как прилагательное) Избегается употребление слова *old* (старый), вместо него распространены такие эвфемизмы, как *senior*, *mature*, *seasoned*, *distinguished*, *gracious* (о женщине). *Senior citizens* (букв. старшие граждане), *the chronologically advantaged* используются в значении *olden age pensioners* (пенсионеры по старости).

2. *Эвфемизмы, смягчающие имущественную дискриминацию.* Причиной создания данной группы является стремление чиновников различного ранга сгладить проблемы имущественного неравенства людей. Бедные (*the poor*) в современном капиталистическом обществе, судя по эвфемистической лексике, уже совсем не бедные: в экономической печати они сначала превратились в очень нуждающихся (*the neediest*), затем в просто нуждающихся (*the needy*, *the ill-provided*), затем в людей, лишённых благ (*the deprived*), потом в социально обездоленных (*the socially deprived*), затем в мало привилегированных (*the underprivileged*), а позже в попавших в менее благоприятные жизненные обстоятельства (*the disadvantaged*) и, наконец, в малообеспеченных (*low-income people*).

Для обозначения бездомных в американском варианте английского языка появилось словосочетание *shopping-bag lady* (a vagrant,

homeless, and often elderly woman who roams a city carrying her possessions in a shopping bag or bags). Существует и ещё один эвфемизм для обозначения бездомных – *street person*, однако, его употребление ограничено ситуациями официального общения, как правило, письменным стилем. Появление ещё одного стилистического эвфемизма дополнило данный синонимический ряд, речь идёт о сленговом слове *skell* – усечение от *skellum* (a rascal or thief), данное слово созвучно *to skelder* (to beg on the streets).

3. *Эвфемизмы, исключаящие дискриминацию людей с физическими и умственными недостатками.* Почти каждый недостаток сглаживают определенные эвфемизмы: слово *cripple* (калека) изменяют на *differently abled, physically different, individuals with disabilities* или *handicapable*; *fat* (толстый) становится просто *big-boned, differently sized, husky* или *full-figured*; вместо *bald* (лысый) используется *hair-disadvantaged*; о коротком человеке (*short*) теперь говорят *vertically deprived* или *vertically challenged*; вместо *deaf* (глухой), *blind* (слепой) используются эвфемизмы *aurally inconvenienced* или *young people with hearing impairments, unseeing* или *persons with visual impairments*.

Богато представлена сфера действительной или приписываемой умственной неполноценности. В русском языке это такие литературные слова и выражения как *душевно больной, психически больной*; общеразговорное *сумасшедший*; разговорно-сниженные *псих, чокнутый, с приветом, не все дома, крыша поехала* и другие. Соответствующий английский синонимический ряд: литературные *insane, mentally unbalanced (deficient), unhinged, deranged, crazy, retarded, lunatic, wrong in the head, not all there, off one's head, off one's rocker*; разговорно-сленговые *a bit wanting in the top storey, half-wilted, half-baked, nut, nutty, batty, barmy, dotty, having bats, in one's belfry, crazy as a bedbug*; с заниженной коннотацией *loony, potty, meathead, nitwit, gaga, cuckoo, wacky, buggy, beanu, goofy, daffy, dippy, screwy*.

4. *Эвфемизмы, смягчающие расовую и этническую дискриминацию.* Такие слова в основном являются названиями различных расовых и национальных групп, подчёркивающими их самобытность и равноправный статус. Наиболее остро стоит вопрос о том, как называть

представителей негритянского населения США. Самый ранний термин, обозначающий выходцев из Африки, – это *negro*. В 1930 – 1940-х гг. данное слово стало печататься с большой буквы (*Negro*), однако с усилением движения за гражданские права (*Civil Rights Movement*) оно было вытеснено из языка словом *black*, так как *Negro* ассоциировалось с рабством, а также было иностранного происхождения (от испанского *negro* – черный). Термин *black* противопоставлялся *white*, как бы подчеркивая значимость, равноправие чернокожих. Тем не менее, и это слово утрачивает доверие и приобретает негативный оттенок, предлагается даже запретить его во всевозможных контекстах (*blackboard* и *blackpieces*, *black mood* и *black heart*). В настоящее время получило популярность слово *African-American*, потому что подчеркивает связь черных американцев с родным континентом. Используются и другие варианты, например, *member of African Diaspora*, *person of black race*.

Противоречия возникли также и с наименованием других национальностей и этнических групп. Слово *Indian* (индеец) не считается политически корректным, более предпочтительны термины *indigenous person* (местный житель) или *Native American* (коренной американец). Та же участь постигла слово *Eskimo* (эскимос), которое стали изменять на *Native Alaskan* (коренной житель Аляски), или *Inuit* (канадский эскимос).

В 1970-х гг. в США был введен общий термин, обозначающий латиноамериканцев – *Hispanics* (от прилагательного *Hispanic* – испанский, латинский). Однако многие заменяют его (в связи с ассоциациями о людях низкого достатка) на *Latino/Latina* (латиноамериканец/латиноамериканка), *Chicano/Chicana* (американец/американка мексиканского происхождения), или *Spanish American* (американец испанского происхождения).

Протесты вызывает политически некорректное прилагательное *Oriental* (азиатский), считается, что оно навязано жителям Азии европейцами. *Oriental* заменяют более нейтральным *Asian*.

Слово *Jew* (еврей) с недавних пор приобрело пренебрежительную коннотацию, так как часто употреблялось в словосочетаниях

dirty Jew, Jew boy, Jew store и глагольных формах to jew, to jew down (торговаться, мошенничать), и теперь изменяется на *Jewish person*.

5. Эвфемизмы, смягчающие дискриминацию по половому признаку (в частности женский пол). В 1970-е гг. английский язык был объявлен сексистским языком на том основании, что в нем содержится больше форм мужского рода, чем женского. В результате появилось много языковых изменений и нововведений.

Подверглись изменениям, например, сложные слова с компонентом man. Под влиянием феминистского движения и для снятия трудностей перевода вместо традиционных cameraman, fireman, policeman в английский язык вошли *camera operator, firefighter, police officer*. С целью выравнивания соотношения между мужским и женским полом в титулах компонент man меняется на person: chairman – *chairperson*, congressman – *congressperson*, spokesman – *spokesperson*. Большинство слов с суффиксом -ess/ -ette, обозначающими лиц женского пола, заменяются нейтральными. Например, вместо слова stewardess употребляется *flight attendant*. Предлагается ввести суффикс -ron вместо суффиксов -or/-er/-ess, например, слово *actron* заменяет слова actor/actress, *waitron* – waiter/waitress, таким образом, стирается ограничение по половому признаку.

Изменения коснулись и синтаксиса английского языка. Как наиболее характерный пример можно выделить исключение из употребления местоимения *he* в безличных предложениях типа *If a person wishes to succeed, he must work hard*.

Так же слово *girl* стало изменяться на *woman* при обращении к совершеннолетним лицам женского пола. Произошла замена слов Miss и Mrs, носящих отпечаток семейного положения, словом Ms, которое так же, как и слово Mr, не обозначает семейного положения человека. Последовало исключение ненужных различий по принадлежности к тому или иному полу, проявляющихся в словах типа *poetess, sculptress*.

Тематическая группа эвфемизмов, уменьшающих суеверный страх перед какими-либо явлениями. Данный слой эвфемистической лексики включает явления смерти, именно в данной группе наиболее ярко

действует принцип табуирования. Например, *moonchild* (человек, рождённый под созвездием Рака) заменило слово *cancer*, вызывающее ассоциации с болезнью; *hospice*, первоначально обозначающее *a guest house for the poor, the sick* (приют, гостиница), теперь является больницей для неизлечимо больных или институтом по уходу за умирающими людьми; на смену *insane asylum* (больница для душевно больных) пришло слово *mental hospital* или *sanatorium/sanitarium*; а смерть пациента в больнице передают эвфемизмы *terminal episode*, *therapeutic misadventure*, *negative patient care outcome*.

Надо отметить, что в английском языке тема смерти вербализуются почти исключительно с помощью эвфемизмов. Так, например, глагол *to die* (умирать) может быть заменён огромным количеством литературно-книжных синонимов *to de cease* (скончаться) или перифразом *to pass away* (уйти в мир иной), а также *to go West* (отправиться на Запад), *to depart* (отчалить), *to breathe one's last* (вздохнуть в последний раз), *to join the silent/the majority* (присоединиться к большинству), *to be no more* (больше не быть), *to lose one's life* (потерять жизнь), *to expire* (истечь по сроку годности), *to go behind the eternal cloud* (уйти на вечные небеса), *to pay one's debt to nature* (отдать долг природе), *to go to kingdom* (отправиться в царствие), *to sleep the sleep that knows no waking* (заснуть беспробудным сном), *to go the way of all flesh* (присоединиться ко всем смертным). Наряду с ними в языке существуют сниженные грубовато-шутливые выражения типа *to kick the bucket*, *to count daises*, *to pop one's clogs*, *to give up the ghost*, *to kick off*, *to check out*, *to take a ride*, *to hop the twig* (дать дуба, отбросить коньки, сыграть в ящик).

Фраза *if anything should happen to me* в значении *if I die* (если я умру) стала последнее время привычной в объявлениях страховых компаний.

Очевидна тенденция к уклонению от использования в речи слова *grave*, которое имеет несколько синонимов-эвфемизмов: *one's last house* (последний приют), *the dark house*, *the narrow bed/cell/home/house* (1,5м на 2м).

В современном английском едва ли встретишь слова Бог или Дьявол, что, без сомнения, связано с национальной чертой англичан

как можно реже касаться деликатных тем, причём сферы, принимающиеся за деликатные в английском обществе, далеко не всегда совпадают с понятием деликатности, в обществе других народностей. Отсюда нескончаемое число эвфемизмов, графическое изображение которых основано на принципе диалектического произношения. Приведём лишь самые красочные из них: вместо God (Бог) – *Dad, Gad, God-a-mighty, Gol, Goramighty, Gord, Gorra, Garry, Gosh, Gott, Gar, Gawd, Gawsh, God Almighty, Gum, Gub, Gun, Lord, Law, Lawd, Laws, Lor, Lordy, Lorsy*; никак не менее разнообразны синонимы для слова Devil (Дьявол, Сатана) – *father of lies, the gentleman in black, the God of this world, our ghostly enemy, enemy / lad / Poker / gooseberry / Bandy / lain / deuce / dickens / Harry / Henry / Ned / One / Dragon / Scratch / Boy*. Не отстаёт и слово Hell (ад, царство Дьявола): *Blazes, Hail Columbia, Halifax, hallelujah, heck, HEdoubleL, Himmel, Hoboken, hot place, something*.

Нельзя обойти и категорию эвфемизмов, представляющую названия «непринятых» в обществе венерических заболеваний (*Venereal Diseases*). Во времена Елизаветы I появился целый ряд эвфемизмов с компонентом *French*, одним из которых был *French lessons* (венерическое заболевание), другие выражения включают *a bad disease, a communicable disease, a disgraceful disease, a social disease*.

Тематическая группа эвфемизмов, представляющих профессиональную деятельность людей. В эвфемистической лексике усилилась тенденция к образованию новых единиц, поднимающих престиж отдельных профессий. Так, парикмахера стали называть *hairstylist* или *beautician*. В 1980-е гг. этот эвфемизм стал употребляться только по отношению к мужчинам, женский парикмахер остался *hairdresser*. Стюардессы и стюарды на авиалиниях (*stewards, stewardesses, hostesses*) стали называться *night attendants* (данный эвфемизм обязан своим появлением борьбе с дискриминацией женских форм в английском языке).

Служащие кладбища традиционно были известны как *undertakers*, в последние годы превратились в *morticians*, а затем во *funeral directors*. Слово *garbage collector* (сборщик мусора) меняется на *sanitation engineer*, а эвфемизм *environmental hygienist* – не что иное, как название дворника (а *janitor*).

Вместо *maid* появилось выражение *domestic help*. Презренное *brother* (бордель), кроме устоявшегося эвфемизма *public house*, приобрело вполне респектабельный облик в выражении *encounter parlor* (салон встреч).

Значительную подгруппу здесь составляют такие профессии, как *footwear engineer* в значении *bootblack* (чистильщик сапог); *glass maintenance engineer* в значении *window-cleaner* (мойщик окон); *scandiscopist* (от лат. *scandere* – подниматься вверх и *scopa* – метла) в значении *chimneysweep* (трубочист).

Любопытно сравнить эти эвфемизмы с давно принятыми наименованиями профессий типа *knight of the cleaver* (мясник), *gentleman of the road* (коммивояжер), *knight of the elbow* (шулер), *knight of the field* (бродяга). Все они несут добавочный, положительный оттенок в обозначении профессий не самых привлекательных или недостаточно респектабельных по критериям общественной морали.

Тематическая группа эвфемизмов, описывающих физиологические процессы и состояния. У англичан давно не поощряется использование «прямых» понятий связанных с описанием биологических процессов человеческого организма, что особенно противоестественно в общественных кругах согласно этикету. Так женщины больше не потеют, поскольку слова *to sweat* и *to perspire* (потеть) являются слишком грубыми и резкими и заменены словом *to glow* (букв. рдеть, пылать, накаляться).

Находясь в общественном месте или просто в какой-либо компании, люди пользуются какими угодно названиями мест для справления естественных нужд, но только не *lavatory* (туалет), среди них *powder room* (комната для припудривания носика), *washroom* (комната для умывания), *restroom* (комната отдыха), *retiring room*, *public comfort station*, *ladies' (room)*, *gentlemen's (room)*, *public conveniences* и *water-closet* (сокр. *WC*) (шкаф с водой).

Девушка, находящаяся в состоянии беременности (*pregnant*), может пользоваться для его названия эвфемизмами с рассеивающим значением, например: *in a certain condition* (в определённом состоянии), *in a delicate condition* (в деликатном состоянии), *in an interesting*

condition (в интересном положении), *in the family way, awkward* (букв.: неуклюжая), *apron-up* (букв.: с фартуком впереди), *in a bad shape* (не в лучшей форме), *with a baby, with child*.

Тематическая группа эвфемизмов, отвлекающих от негативных явлений действительности. Эту группу, согласно ситуациям, в которых используются эвфемизмы, представляется целесообразным разделить на несколько подгрупп:

1. Эвфемизмы, служащие прикрытием агрессивных военных действий (преступность, наркомания, агрессивная политика). Слова *involvement* (вовлечение) и *conflict* (конфликт) заменили *aggression* (агрессия) и *war* (война), уничтожение вооруженного сопротивления стали называть *pacification* (умиротворение), вместо слова *bomb* (бомба) употреблялось слово *device* (устройство), а вместо *bombing* (бомбардировка) – *limited air strike* (ограниченный воздушный удар) или *air support* (воздушная поддержка). Эвфемизм *strategic hamlet* (стратегическая деревушка) заменил *concentration camp* (концентрационный лагерь). Наконец, убитых (*killed*) стали называть *body-count* (число жертв) или *inoperative combat personnel* (вышедшие из строя подчинённые). *Resources reaction strikes* (букв. протективные ответные удары) вместо *air strikes* (удары с воздуха), *resources control* (букв. контроль над естественными ресурсами) вместо *destruction of vegetation by means of herbicides* (уничтожение растительности путём применения гербицидов), *training bases* (букв. тренировочные базы) вместо *military bases* (военные базы).

2. Эвфемизмы, связанные с негативными последствиями в социально-экономической сфере. Желание сгладить острые углы рыночной экономики привело к появлению социально-экономического эвфемизма *reserve of labor force* (избыток или резерв рабочей силы) вместо прямого наименования *unemployment* (безработица).

Для смягчения разницы в уровнях экономического развития стран и отдельных районов употребляется такой эвфемизм, как *Fourth World* (the world's poorest and most underdeveloped countries in Africa, Asia and Latin America).

Здесь же необходимо рассмотреть появившиеся *substandard housing* вместо *rotten slums* (гнилые трущобы), *culturally different children* вместо *slum children* (дети трущоб).

Slump (падение) вытеснил *economic crisis* (экономический кризис), но, в свою очередь, был заменён на *depression* (депрессия), что вызвало новый эвфемизм *recession* (отступление). Более современные термины в значении экономический кризис включают *period of economic adjustment* (период стабилизации экономики), *period of negative economic growth* (период отрицательного экономического роста), *meaningful downturn* (значительный спад). Чтобы смягчить негативный эффект слов *firing*, *laying off* (увольнение) возникли эвфемизмы *downsizing*, *rightsizing*, *redundancy elimination*, *reduction in force*, *constructive dismissal*, *voluntary severance*, *vocational relocation*, *career assignment*, *relocation*.

Так, чтобы не называть вещи своими именами, упоминая рынок на американских биржах, теперь уже не говорят спад (*fall*), а затишье в деловых операциях называют *easing* или происходит корректировка курса акций, (*correction is made*) или перенастройка (*adjustment*, *technical correction*).

Чтобы избежать слов, рисующих удручающую картину состояния капиталистической экономики, чтобы не употреблять такое, скажем, понятие, как «хроническая инфляция» (*chronic inflation*), состояние экономических дел просто-напросто «поправляется» путём использования синонима-эвфемизма *gradual increase in prices and wages* (постепенный рост цен и зарплаты). При повышении налогообложения (*tax increase*) происходит просто *revenue enhancements* (увеличение государственных доходов).

Биржевой бум, как известно, часто сопровождается резкой депрессией (*depression*, *bust*), которая, разумеется, смягчается посредством использования эвфемизма *business cycle* (цикл деловой активности).

Даже традиционное, вековое понятие спрос и предложение (*supply and demand*) теперь всё чаще подменяется абстрактно звучащим термином регулируемые цены и заработная плата (*administered prices and wages*).

Судя по языку эвфемизмов, бюджет во многих западных фирмах теперь нельзя перерасходовать (*budget overrun*), он всегда сам по себе растёт или увеличивается (*budget growth/increase*), дабы директора концернов не показались неумелыми руководителями.

3. Например, в кругах, связанных с преступностью, появляются эвфемизмы *correctional therapeutic communities* (букв. исправительные терапевтические общества) в значении *prisons* (тюрьмы) или *correctional facilities* (исправительные учреждения). Тюремные надзиратели (*prison guards*) стали *correctional officers* или *custodian officers*. Самох заключённых (*prisoners*) теперь называют *clients of correctional system* (клиенты системы исправительных учреждений), *guests* (гости), *people enjoying temporarily hospitality from the state* (букв. люди, пользующиеся временным гостеприимством у государства), и совершают они теперь не преступления (*crimes*), а насилие (*violence*).

Эвфемизмы представляют собой один из богатых лексических ресурсов языка и являются компонентом языковой личности. Они позволяют говорящим варьировать свою речь в зависимости от условий общения, при необходимости скрывать или вуалировать свои намерения, а также избегать коммуникативных конфликтов, которые могут происходить при слишком прямолинейной номинации определенных предметов, действий и свойств.

При выявлении существенных моментов процесса эвфемизации была установлена взаимосвязь между условиями появления эвфемизмов и национально-культурными особенностями носителей языка, так как сами условия являются отображением культурных событий общества в языке. К ним относятся: 1) оценка говорящим предмета речи как такого, прямое обозначение которого может быть квалифицировано (в данной социальной среде или конкретным адресатом) как грубость, резкость, неприличие и тому подобное; 2) подбор говорящим таких обозначений, которые не только смягчают способ выражения, но и маскируют, вуалируют суть явления; 3) зависимость употребления эвфемизма от контекста и от условий речи: чем жестче социальный контроль речевой ситуации и самоконтроль говорящим собственной речи, тем более вероятно появление эвфемизмов,

и, напротив, в слабо контролируемых речевых ситуациях и при высоком автоматизме речи (общение в семье, с друзьями) эвфемизмам могут предпочитаться «прямые», неэвфемистические средства обозначения.

Выяснилось, что эвфемизмы функционируют в различных предметно-понятийных сферах, где действуют моральные факторы табуирования и эвфемистической замены, и в различных временных периодах, время от времени, активизируясь в употреблении в зависимости от потребности общества в смягчении и рассеивании значения определённых явлений действительности. Они создаются с помощью всех характерных для английского языка семантических и формальных средств.

Literatura:

- Apresjan, Jurij Derenikovič. 1995. „Образ человека по данным языка: попытка системного описания.“ *Voprosy jazykoznanija*. Č. 1: 37-67.
- Ayto, John. 2000. *Dictionary of Euphemisms*. New York: Bloomsbury.
- Bachtin, Michail Michajlovič. 1979. *Estetika slovesnogo tvorčestva*. Moskva: Iskusstvo.
- Berdjajev, Nikolaj Aleksandrovič. 1990. *Samopoznanije*. Moskva: Meždunarodnyje otnošenija.
- Borkowska, Paulina a Grzegorz A. Kleparski. 2007. „It Befalls Words to Fall Down: Pejoration as a Type of Semantic Change.“ *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego*. Zeszyt 47, vol. 4: 33-50.
- Bromlej, Julian Vladimirovič. 1973. *Etnos i etnografija*. Moskva: Nauka.
- Bunejeva, Jelena Sergejevna. 1996. „Konceptologičeskaja model' priznaka staršinstva.“ In *Jazykovaja ličnost': kul'turnyje koncepty*, 33-41. Volgograd, Archangel'sk: Peremena.
- Gačev, Georgij Dmitrijevič. 1988. *Nacional'nyje obrazy mira*. Moskva: Sovetskij pisatel'.
- Gurevič, Aron Jakovlevič. 1984. *Kategorii srednevekovoj kul'tury*. Moskva: Iskusstvo.

- Gumbol'dt, Vil'gel'm fon. 2000. „O različii strojenija čelovečeskich jazykov i jego vlijanii na duhovnoje razvitije čelovečestva.“ In *Izbrannyye trudy po jazykoznaniju*, 37-54. Moskva: OAO IG «Progress».
- Dubov, Igor' Glebovič. 1993. „Fenomen mentaliteta: psihologičeskij analiz.“ *Voprosy psihologii*. Č. 5: 22-9.
- Dubičinskij, Vladimir Vladimirovič. 1993. *Leksičeskije paralleli*. Char'kov: Char'kovskoje leksikografičeskoje obščestvo.
- Karaulov, Jurij Nikolajevič. 1989. „Predislovije. Russkaja jazykovaja ličnost' i zadači jeje izučenija.“ In *Jazyk i ličnost'*, 3-8. Moskva: Nauka.
- Klokov, Vasilij Tichonovič. 2000. „Osnovnyje napravlenija lingvokul'turologičeskich issledovanij v ramkach semiotičeskogo podchoda.“ *Teoretičeskaja i prikladnaja lingvistika. Jazyki i social'naja sreda*. Č. 2: 60-7.
- Kočetkov, Vladimir Viktorovič. 2002. *Psihologija mežkul'turnych različij*. Moskva: PER SĖ.
- Krysin, Leonid Petrovič. 2000. „Evfemizmy v sovremennoj russkoj reči.“ In *Russkij jazyk konca XX stoletija (1985 1995)*, 385-405. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury.
- Kukuškina, Jelena Iosifovna. 1984. *Poznanije, jazyk, kul'tura*. Moskva: Izd-vo Meždunarodnogo universiteta biznesa i upravljenija.
- Labov, William. 1969. *The Study of Nonstandard English*. Washington, DC: National Council of Teachers of English, Champaign, IL: National Council of Teachers of English.
- Leontovič, Ol'ga Arkad'jevna. 2005. *Russkije i amerikancy: paradoxy mežkul'turnogo obščenija*: Moskva: Gnozis.
- Markarjan, Ėduard Sarkisovič. 1969. *Očerki teorii kul'tury*. Jerevan: Izd-vo AN Armjanskoj SSR.
- Markovina, Irina Jur'jevna. 1983. „Vlijanije nacional'noj specifiki jazyka i kul'tury na proces mežkul'turnogo obščenija.“ In *Rečevoje obščenije: problemy i perspektivy*, 187-208. Moskva.
- Maslova, Valentina Avraamovna. 2001. *Lingvokul'turologija*. Moskva: Izdatel'skij centr Akademija.

- Maslova, Valentina Avraamovna. 2007. *Sovremennyye napravlenija v lingvistike*. Moskva: Izdatel'skij centr Akademija.
- Moskvin, Vasilij Pavlovič. 2001. „Evfemizmy, sistemnyje svjazi, funkcii i sposoby obrazovanija.“ *Voprosy jazykoznanija*. Č. 3: 61-7.
- Potapov, Vsevolod Viktorovič. 2000. „Popytki peresmotra gendernogo priznaka v anglijskom jazyke.“ In *Gender kak intriga poznanija*, 32-40. Moskva: Rudomino.
- Prochvačeva, Oksana Gennadijevna. 1996. „Obraz «privatnogo» prostranstva v jazykovoju kartine mira (na materiale ruskoj i anglijskoj frazeologii).“ In *Jazykovaja ličnost': Kul'turnyje koncepty*, 41-8. Volgograd, Archangel'sk.
- Rozen, Jevgenija Vladimirovna. 1991. *Nemeckaja leksika: istorija i sovremennost'*. Moskva: Vysšaja škola.
- Spitzbardt, Harry. 1966. „Tabu-Wörter im Englischen.“ *Philologia Pragensia*. Vol. 25: 105-17.
- Ščerba, Lev Vladimirovič. 2004. *Jazykovaja sistema i rečevaja dejatel'nost'*. Moskva: Editorial URSS.
- Telija, Veronika Nikolajevna. 1996. *Russkaja frazeologija*. Moskva: Jazyki ruskoj kul'tury.
- Ter-Minasova, Svetlana Grigor'jevna. 2000. *Jazyki i mežkul'turnaja komunikacija*. Moskva: Slovo.
- Tokvil', Aleksis de. 1992. *Demokratija v Amerike*. Moskva: Progress.
- Tolstoj, Nikita Il'jič. 1997. „Ètnolingvistika v krugu gumanitarnych disciplin.“ In *Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta*, 306-15. Moskva: Russkije slovari.

Вероника Викторовна Катермина, д. ф. н., профессор
 Кафедра английской филологии
 Факультет романо-германской филологии
 Кубанский государственный университет
 ул. Ставропольская, 149
 350401 Краснодар
 katermina_v@mail.ru